

УДК 323, 93

ФОРМЫ, МЕТОДЫ И ТЕХНОЛОГИИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ МИФОВ НА ПРИМЕРЕ МИФОЛОГИЗАЦИИ «ЧЕРКЕССКОГО ВОПРОСА»¹*Д.В. Маковская, Р.Ф. Патеев*

Проводится сравнительный анализ академического прочтения исторических событий, условно объединяемых в рамках «черкесского вопроса», и третичных исторических мифов, создающихся на данной основе. На основе сравнения выявляются формы, методы и способы с помощью которых осуществляется внедрение, распространение и закрепление мифологизированных версий прочтения прошлого, связанных с древней историей адыгов и вхождением Черкессии в состав Российской империи, в массовом сознании.

Ключевые слова: исторический миф, конструирование исторических мифов, конфликтизация этничности, «черкесский вопрос».

The article presents a comparative analysis of the academic reading of historical events, conventionally united under the «Circassian issue», and tertiary historical myths created on this basis. Based on the comparison identifies the forms, methods and means by which made the introduction, spread and consolidation mythologized version of reading the past associated with the ancient history of Adygea and Circassia entry into the Russian Empire, in the mass consciousness.

Key words: historical myth, construction of historical myths, konfliktizatsiya ethnicity, «Circassian issue».

Этничность, как феномен, обладающий сложной противоречивой природой, легко подвергается конфликтизации. Данное качество успешно используется в современных неконвенциональных войнах, одним из наиболее эффективных инструментов, в которых является разжигание этнических конфликтов, расшатывающих политическую и социальную системы. Для конфликтизации этничности может активно использоваться мифологизация этнической истории, чему способствует современная глобализация информационного пространства. Заложниками такой информационной политики становятся представители этнических общностей, в силу определенных обстоятельств не имеющие возможности дифференцировать академическое прочтение истории и мифологизированные нарративы, создающиеся с определенной целью – спровоцировать всплеск этнической конфликтности. Подобные манипуляции являются предметом для исследований в области исторической политики и деконструирования исторических мифов, а наиболее ярко демонстрируются при сравнении академических и мифологизированных нарративов.

Цель исследования – выявление форм, методов и способов, с помощью которых осуществляется внедрение, распространение и закрепление мифологизированных версий прочтения прошлого, конструирующих корпус исторических мифов, обобщаемых в «черкесском вопросе».

Методологической базой исследования стали системно-синергетический подход, социальный конструктивизм, феноменологический и герменевтический подходы.

В качестве основного метода исследования использовался фокусный анализ источников, содержащих отсылки к историческим событиям, условно объединяемым в рамках «черкесского вопроса».

Достаточно высокий уровень этнической конфликтности, характерный для Северо-Западного Кавказа, во многом обуславливается постоянной активизацией в массовом сознании комплекса представлений о прошлом, являющихся компонентами «черкесского вопроса». В качестве его составляющих, как правило, называют вопросы этногенеза адыгов и ряд аспектов, связанных с событиями вхождения Черкессии в состав Российской империи. Системообразующим фактором формирования «черкесского вопроса» является Кавказская война и ее последствия, в первую очередь мухаджирство – эмиграция значительного числа адыгов в Османскую империю.

Вокруг событий Кавказской войны строится и основная стратегия мифологизированного прочтения прошлого, в которой Кавказская война рассматривается как национально-освободительная борьба горских народов против русского царизма, повлекшая за собой геноцид черкесов. Второй мифологической стратегемой, реализующей этнополитические притязания части этнической элиты,

¹ Статья подготовлена в рамках НИР по теме «Факторы и механизмы дестабилизации ситуации на Северном Кавказе: исламизм, национализм и регионализм» (проектная часть государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации в сфере научной деятельности № 30.1577.2014/К)

является удревление истории адыгов и претензии на существование у горских племен институтов государственности, уничтоженных вследствие вхождения региона в состав Российской империи.

Фальсификации истории, связанные с упомянутой выше проблематикой, начали активно развиваться с 90-х гг. XX века. Исследователями упоминается целый ряд авторов, активно внедряющих «концепцию геноцида в массовое сознание» и возлагающих всю вину за исход мухаджиров в Османскую империю на Российское государство [1, с. 6–10]. Во многом именно на их изысканиях строятся внедряемые в массовое сознание мифологизированные версии истории адыгов. Отдельно можно упомянуть и работы зарубежных кавказоведов, критический анализ которых представлен в трудах О.В. Матвеева [2].

Заметим, что обязательность верификации исторического знания, применения специального методологического инструментария для проверки достоверности исторического исследования, в том числе и критический анализ источников, являются необходимым элементом научного исследования, но не для нарративов внедряемых в массовое сознание. Соблюдение принципов исторических изысканий, в том числе аккуратное использование фактического материала, ставится в зависимости от целей, преследуемых авторами публикуемых материалов, что, в свою очередь, делает их удобной площадкой для внедрения мифологизированных версий прочтения прошлого. Соответственно, на первое место ставится не максимальная объективность излагаемого материала, а поиск наиболее эффективных вариантов внедрения задаваемых образов истории в историческое сознание.

В качестве основных форм внедрения, закрепления и распространения исторических мифов в массовое сознание, помимо внутрисемейной коммуникации, можно назвать публикации в средствах массовой информации и систему школьного исторического образования.

Одна из особенностей школьного исторического образования заключается в том, что, являясь компонентом формирования у учащихся индивидуального восприятия прошлого, оно во многом определяет содержание выстраиваемой системы стереотипов, на основании которых в будущем осуществляется межэтническая коммуникация, формируется готовность к участию в этнополитической мобилизации и этнических конфликтах.

Рассматривая систему школьного исторического образования в качестве проводника стратегем мифологизации истории, отметим, что в ней, как правило, не проводится целенаправленное формирование навыков учащихся в критическом переосмыслении преподносимого им материала, хотя приобретение этого навыка является одной из доминирующих целей исторического образования в школе. Формирование представлений о прошлом оказывается в зависимости от формы подачи и подбора учебного материала и позиции преподавателя. На сегодняшний день выработано достаточное количество методик, делающих возможным формирование у школьников определенного «образа истории», которые достаточно эффективно применяются.

Как правило, основные способы внедрения исторических мифов через систему школьного образования подразумевают:

1. Непропорциональное распределение учебного времени. Например, в региональных учебниках по истории Адыгеи доминирующая часть учебного времени уделяется истории адыгов, в ущерб другим контактирующим на этой территории этносам. Кавказская война рассматривается, например, в восьми из тридцати восьми параграфов, занимая не менее пятой части всего учебного текста [3].

2. Создание образа врага. В школьных учебниках доминирует негативно наполненный дискурс, конструирующий негативные этностереотипы, основанные например, на противопоставлениях «горцы – казаки», «русские – черкесы». Кавказской войне искусственно придается этнический характер, в которой свободолюбивые горцы сражаются за свою независимость против русских завоевателей. Царская Россия преподносится как прямой виновник трагических событий в истории адыгов, их переселение в пределы Османской империи позиционируется как протест населения против «жесткого колониального режима царизма» [4, с. 181].

3. Выбор изучаемых исторических личностей, ключевых дат и событий. Наиболее популярной в данной учебной литературе фигурой является имам Шамиль, который преподносится как «руководитель национально-освободительного движения горцев Северного Кавказа». Положительно оценивается деятельность Мухаммеда Амина – «вождя борьбы адыгов за независимость», «крупнейшего черкесского политика того времени» Сефер-бея Заного и других «прославленных вождей адыгов и убыхов». Русские же генералы характеризуются негативно: А.П. Ермолов – как «сторонник беспощадных мер в порабощении народов Кавказа», Н.И. Евдокимов – как «палач-истребитель адыгских народов», Г.Х. Засс выделялся своими «жестокими набегами». Соответствующим образом подбирается и визуальный ряд, используемые в оформлении учебных пособий иллюстрации, карты, а также отрывки из исторических документов [5, с. 297–298].

4. Героизация прошлого адыгов, подчеркивание мужества храбрых горцев, «смелые вылазки» которых «часто ставили в тупик прославленных генералов» [6, с. 83].

5. Направленность дискурса учебников на формирование комплекса жертвы: «прогрессивные деятели всего мира» сочувствовали освободительной борьбе адыгов и восхищались ею» [7, с. 88].

6. Сконцентрированность учебного материала на удревнении истории адыгов. В данном случае используется изложение материала в форме, не соответствующей возрастным познавательным особенностям 12–13-летних школьников. Например, встречаются сугубо научные дефиниции: «субэтнические группы», «хамышеевское крыло бжедугского племени». Мифологизированное представление о древней истории адыгов внедряется в форме безапелляционного искажения и романтизации фактов. Например, проводится прямая параллель между созданными более 5000 лет назад дольменами и родовыми кладбищами адыгов. Внедряется миф о заимствовании древними греками у адыгов сюжетов мифов об Одисее, Прометее, аргонавтах.

В некоторых учебниках по истории Адыгеи используются не просто спорные, а ложные послы: «культурным центром Западного Кавказа, а часто политическим и религиозным», «в ее пределах располагалась самая развитая в России майкопская культура раннебронзового века, а также была найдена диковинная плита с самой древней надписью», «дольмены – «каменные дома карликов» – имеются только на Западном Кавказе» [8].

Значительное внимание уделяется существованию в прошлом «территориально значительно большей Адыгеи», куда включаются почти вся территория Краснодарского края и соседствующие с Адыгеей территории Северного Кавказа, и «широте распространения и непрерывности пользования» адыгейского языка [9, с. 40].

Наиболее распространенной и эффективной формой внедрения, распространения и закрепления исторических мифов на сегодняшний момент являются интернет-ресурсы, в том числе и электронные СМИ, которые уже явно преобладают над печатными средствами массовой информации.

Диапазон размещаемого материала в них варьируется от исторической публицистики до новостных декларативных сообщений, включающих завуалированные или открытые проявления исторических мифов. На основе именно данного типа трансляторов мы можем выделить основные методы и способы внедрения исторических мифов.

К первому методу можно отнести произвольное применение доказательного аппарата. Стоит выделить прослеживающийся практически во всех публикациях, затрагивающих «черкесский вопрос», способ мифологизации истории – подмену предмета анализа. Например, некоторыми публицистами активно критикуется использование термина «Великая Черкессия», который, по их мнению, является составляющей специально фабрикуемого «компромата», конструирующегося для того, чтобы обосновать репрессии российской власти против «общественных деятелей, лидеров черкесских организаций», обвинив черкесов в вынашивании планов «по развалу России».

Тем не менее, декларируется, что «на этнической и политической карте мира на Западном Кавказе была страна Черкессия», которая «должна быть территориально воссоздана в своих границах» [10]. Таким образом, здесь на основании отрицания одной мифологической конструкции внедряется другая. Государства «Великая Черкессия» или «Черкессия» не существовали, хотя в годы Кавказской войны присутствовали «попытки искусственно создать некоторые его атрибуты (например, флаг «Великой Черкессии» был предложен англичанами в 1830 г.)» [11].

Внедрение ложных причинно-следственных связей используется для того, чтобы поставить знак равенства между фактом трагедии черкесов и ответственностью за нее Российской империи. Многочисленные примеры лишений, выпавших на долю горцев, которые не отрицаются большинством исследователей, приводятся в качестве доказательства вины Российской империи в этой трагедии.

Следующим способом, который можно отнести к данному типу методов, является неправильное применение терминологического и понятийного ряда. Это затрагивает постоянно эксплуатируемые в интернет-публикациях термины «геноцид» и «депортация». Термин «депортация» используется для обозначения процесса переселения адыгов на территорию Османской империи. Заметим, что депортация предполагает переселение насильственное, а перемещение адыгов в пределы Османской империи было обусловлено противоречивым комплексом причин и факторов. В частности, «адыги (черкесы) оказались перед выбором: или оставаться на землях, контролируемых русскими войсками, или перебираться в турецкие владения. Инициатива массовой эмиграции (мухаджирства) чаще всего исходила от адыгской знати. С отменой крепостного права в России местные князья – тфокотли столкнулись с перспективой освобождения зависимых соплеменников. Они понимали, что должны будут дать свободу своим соплеменникам из зависимых сословий и наделить их землей» [12].

Наиболее употребляемым в анализируемых публикациях является термин «геноцид», являющийся «основным инструментом виктимизации на современном Кавказе» [13]. Здесь вся совокупность событий, в том числе военные действия, социально-экономические проблемы и другие про-

цессы, приведшие к значительным потерям среди населения, преподносятся как геноцид – целенаправленное уничтожение по расовым, этническим и религиозным признакам. Это неприменимо к ситуации, сложившейся на Северо-Западном Кавказе, поскольку «у российских властей не было и не могло быть намерения истребить кавказские народы. К тому же представляется неправомерным применять современные юридические нормы и дефиниции по отношению к событиям XIX в.» [14].

К этой же категории можно отнести и понятие «Кавказская война», которое подменяется понятиями «Русско-кавказская война», «Русско-Черкесская» война и так далее. Эта подмена не является обоснованной. Например, в противостоянии России и Турции «иногда целые субэтнические группы адыгов (бесленевцы, бжедуги, хатукаевцы) предпочитали стоять на стороне первой» [15, с. 26]. Заметим, что сам термин «Русско-кавказская война» признан в судебном порядке возбуждающим межнациональную вражду и запрещен.

Здесь можно упомянуть внедряемый в историческое сознание конструкт «черкесская нация» [16], зачастую вводимый в форме перечисления понятий, преподносимых как понятия одного порядка: адыги известны как адыгейцы (адыгское население Республики Адыгея), черкесы (адыгское население Карачаево-Черкесии и Успенского района Краснодарского края), кабардинцы (адыгское население Кабардино-Балкарии), моздокские кабардинцы (адыгское население Северной Осетии), а также причерноморские адыги-шапсуги Туапсинского района и Большого Сочи) [17]; «адыги, они же адыгейцы, они же черкесы, они же кабардинцы – весьма своеобразный народ» [18]. Происходит целенаправленное формирование самоидентификации части адыгских народов как единой этнической группы – «черкесов». В частности, «термины “адыги” и “черкесы” постоянно применяются как синонимы на этнически ориентированных сайтах» [19, с. 90].

Следующим средством в данном блоке является использование ложных аналогий. Например, во фрагменте «...урочище Красная Поляна была древним культовым местом адыгов, там, в числе прочего, располагались древние родовые кладбища. Даже сейчас в Красной Поляне сохранились дольмены и развалины древних сооружений» [20], внедряется представление об идентичности древних адыгских кладбищ и дольменов, происхождение которых относят к IV–II тыс. до н.э. Показательной является и следующая цитата: «С чем же ныне сталкиваются новые поколения молодых адыгов? С циничным, хладнокровным лицемерием современных политиков, которые утверждают: не было настоящей войны, не было геноцида». Проводится следующая аналогия: раз была война (а этот факт никогда не отрицался), то был и геноцид [21]». Здесь на основании ложного посыла об отрицании Кавказской войны вводится прямая взаимосвязь: факт признания Кавказской войны позиционируется как факт проводимого геноцида адыгов.

Достаточно распространенным способом является позиционирование гипотез в качестве доказанных фактов, как правило, применяемый в отношении древней истории адыгов. Диапазон высказываний достаточно широк: от абсолютно голословного «Черкесы интересны еще и тем, что представляют собой единственный народ на поверхности земного шара, который столь далеко в прошлом может проследить независимую национальную историю» [22], до утверждений, гласящих, что «адыги и родственные им абхазы имеют непосредственное родство с древнейшим населением Малой Азии – хаттами» и «древнейшими археологическими реалиями адыгов на Северном Кавказе являются Дольменная и Майкопская культуры (III тыс. до н.э.)» [23]. Среди мифологизированных версий происхождения отсутствует единство, по одной из них все адыги являются потомками шумеров, по другой – хеттов [24]. Здесь уместно вспомнить мнение одного из самых известных исследователей истории Кавказа В.Б. Виноградова, который утверждал: «адыгейцы – очень древний по своим истокам народ, населяющий берега Кубани, хотя их происхождение еще далеко не ясно до конца» [25].

К следующему методу внедрения исторических мифов относятся операции с историческими источниками. Один из их основных способов – отсутствие ссылок там, где они необходимы. Например, пассаж: «история даже сохранила такой факт вандализма... По официальному приказу генералов Засса и Евдокимова «...солдатам и офицерам русской армии разрешалось надругательство над черкесскими девочками семи лет», как откровенно формирующий негативные этнические установки требует ссылки на источник, но она отсутствует [26]. Ссылки могут заменяться фразами, аналогичными данной: «есть историческое предание, заслуживающее доверие» [27].

В качестве следующего способа можно выделить ссылки на анонимные источники. Например, в статье А. Шмулевича присутствует фраза: «В предыдущих статьях цикла «Кровь Красной Поляны», посвященных политическим перспективам «адыгейского вопроса» и Олимпиады в Сочи, были приведены мнения «профессиональных адыгов» – адыгских специалистов-историков, политологов и функционеров адыгейских национальных организаций» [28]. В реальности в статьях цикла ссылки на экспертное мнение «профессиональных адыгов» отсутствуют.

Еще один показательный пример – цитата из фрагмента книги С. Хотко «Черкессия в картах»: «Черкессия на протяжении XIV–XVIII вв. сохраняла свой независимый статус, что отражено во множестве современных источников» [29].

Сюда же относится практика цитирования вне общего контекста. Можно упомянуть о миграции в различных публикациях, вырванных из контекста нескольких цитат из работ А.П. Берже, Р.А. Фадеева, И. Дроздова, Я. Абрамова, используемых как свидетельство геноцида и депортации адыгов, хотя в их содержании не содержится никаких для этого вывода оснований. Например, высказывание А.П. Берже «Позднее, ненастное и холодное время года, почти совершенное отсутствие средств к существованию и свирепствовавшая между горами эпидемия тифа и оспы делали положение их отчаянным. И действительно, чье сердце не содрогнулось бы при виде, например, молодой черкешенки, в рубищах лежащей на сырой почве, под открытым небом, с двумя малютками, из которых один в предсмертных судорогах боролся со смертью, в то время как другой искал утоления голода у груди уже окоченевшего трупа матери. А подобных сцен встречалось немало...» встречается в значительном количестве публикаций [30; 31], но говорится в ней об эпидемии болезни, а не о геноциде и депортации. Кроме того, практически везде эта фраза обрывается, хотя в оригинале выглядят так: «И действительно, чье сердце не содрогнулось бы при виде, например, молодой черкешенки, в рубищах лежащей на сырой почве, под открытым небом, с двумя малютками, из которых один в предсмертных судорогах боролся с жизнью, в то время как другой искал утоления голода у груди уже окоченевшего трупа матери. А подобных сцен встречалось немало, и все они были неминуемым следствием религиозного фанатизма и непоколебимой уверенности горцев в ожидающей их в Турции будущности, которую в таких ярких красках им рисовали османские эмиссары.

Сваливать вину в постигших горцев несчастьях на нас, как это, между прочим, делали европейские газеты и дипломаты, было не трудно, но все эти обвинения оказывались, по меньшей мере, ни на чем не основанными» [32, с. 425].

Заметим, что А.П. Берже в этой же работе писал, что огромную роль в разжигании эмигрантских настроений сыграла адыгская знать и «эти именно лица и должны считаться инициаторами выселения. Влияние их на народ было неотразимо» [33, с. 409], но данная цитата в публикациях, внедряющей версию геноцида, не упоминается.

В качестве способа внедрения мифов можно назвать отсутствие ссылок на авторов с отличающейся от проводимой в публикации версией прочтения того или иного исторического события. Фактически отсутствуют ссылки на таких авторов, как А.М. Авраменко, В.Б. Виноградов, О.В. Матвеев, А.В. Кушхабиева, В.Н. Ратушняк и других, но активно цитируются высказывания апологетов версии геноцида: В.Х. Кажарова, И.Я. Куценко, С.С. Минц, Т.В. Половинкиной, А.Ю. Чирга и др. [34; 35].

В качестве источников могут использоваться и художественные произведения. Например, в статье Р. Темировой «Цифра выселившихся черкесов во время Русско-Кавказской войны достигает более полумиллиона» с целью демонизации царских военачальников А.П. Ермолова, Г.Д. Емануеля, Н.И. Евдокимова, А.А. Вельяминова, Г.В. Розена, Г.Х. Засса, П.Д. Цицианова, которые, по мнению автора, проявили «особую жестокость,... во время похода на аул Карамурзинский в верховьях реки Лаба в 1825 году, когда спящий аул был объят огнем, население или погибло, или было взято в плен», делается ссылка на художественное произведение [36].

К следующему методу можно отнести манипуляции с историческими фактами. Одним из самых однозвучных способов мифологизации истории здесь – внедрение «исследователями» новых, никогда не имевших место, фактов: «Из Астрахани в Кабарду ими была занесена чума, которая распространилась и погубила большую часть населения, а остальных ослабила» [37].

Достаточно часто можно встретить и целенаправленное искажение фактов. Это, например, касается активно внедряемого тезиса о том, что вмешательство России уничтожило раннюю государственность «Черкесии»: «В истории адыгов главным историческим периодом является вековое героическое сопротивление агрессии Российской империи в 1763–1864 гг., закончившееся полным уничтожением адыгской страны – Черкесии» [38]. Показательным в данном плане являются утверждения, что созданный «в июне 1861 г. на съезде старейшин» союз племен являлся конфедеративным государственным образованием, «с постоянно действующим коллегиальным органом власти, осуществляющим как законодательные, так и исполнительные функции», а «окрестности современного Сочи стали местом расположения столицы черкесского государства», народные собрания «демократических» племен абадзехов, шапсугов и натухайцев выступали «как представительные органы власти». Эти же собрания также были «не только политическими, но и судебными органами». Кроме того, «вновь созданное конфедеративное объединение практически сразу стало вести разностороннюю внешнеполитическую деятельность, которая получила международную поддержку со стороны общественных организаций солидарности с борющимся народом Черкесии – черкесских комитетов Стамбула и Лондона. Благодаря активным действиям правительства, Черкессия стала приобретать черты субъекта международного права» [39].

Но простое сопоставление основных признаков государства с теми процессами, которые происходили «внутри горских обществ Западного Кавказа, доказывает: правильное было бы говорить о предгосударственном общественном устройстве» и «политика Российской империи не могла способствовать уничтожению горской государственности в так называемой «Черкесии», поскольку государственные институты здесь к этому времени еще не сложились» [40]. Если обратиться, например к наследию А.П. Берже, к которому часто обращаются авторы мифов о разрушенной черкесской государственности и геноциде, то он пишет следующее: «К сожалению, мы не имеем данных определить, хотя с достаточной приблизительностью, численность каждого из племен, так как при совершенном отсутствии между ними государственности, сами представители их и старшины никогда не знали точной цифры своих единоплеменников» [41, с. 387].

К манипуляциям с фактами можно отнести и их пристрастный подбор. Фактический материал подбирается таким образом, чтобы очевидным становился факт геноцида и депортации по отношению к горцам. Хотя этому противоречит хотя бы то, что, «одна часть горцев стремилась активно покинуть родину, а другая переселялась на Прикубанскую плоскость», что свидетельствует о том, «что с их стороны это был добровольно сделанный выбор из условий, предложенных русским правительством. Это же подтверждает попытка значительной группы адыгов получить разрешение Александра II на возвращение из Турции в Кубанскую область» [42, с. 14]. Кроме того, «переселение в Турцию непримиримых горцев вызывалось стремлением в несколько видоизменившейся российской политике сократить размеры кровопролития и ускорить окончание войны на Северо-Западном Кавказе. Горцы имели возможность открыто обсудить на аульных сходах принимаемые решения и сделать вполне добровольный выбор. Трагедия явилась следствием множества не зависевших от России влияний. Пагубную роль сыграл обман со стороны влиятельных соплеменников» [43].

В этих публикациях, внедряющих миф о депортации адыгов, не указывается, например, что «российские власти предназначили горным черкесам для поселения 864 тыс. десятин, из них только 50 тыс. относилось к болотистым, где никто не заселялся... Учитывая большие размеры адыгских семей, можно утверждать, что переселенцы становились фактически владельцами крупных земельных участков» [44, с. 197]. Кроме того, по оценке П.А. Кузьмина, шапсугам, абадзехам и убыхам была предложена историческая альтернатива, основанная «на потере политической и административной свободы элиты, но с возможным получением социальной свободы для зависимых сословий, с сохранением экономической, религиозной и отчасти территориальной автономии» [45, с. 197].

Нет в ангажированных публикациях упоминаний и о том, что среди горцев через мусульманское духовенство распространялись тайные прокламации с настойчивым приглашением «идти в Турцию, где для них устраивается Оттоманским правительством самый щедрый прием и где им будет жить несравненно лучше» [46].

Факты рассматриваются вне исторического контекста, вне связи с теми событиями, которые бы коренным образом меняли их восприятие. Уместно упомянуть многочисленные упоминания о жестоких методах устрашения царского командования по отношению к горцам: «Одним из таковых стала практика отрезания голов у погибших черкесов. Приведем ряд сообщений очевидцев. «Трофеями этого дня были несколько трупов горцев, у которых отрубили головы, завернули и зашили в холст. За каждую голову Вельяминов платил по червонцу и черепа отправлялись в Академию Наук. Поэтому за каждого убитого горца была упорная драка... Драка за трупы и отрезывание голов вошли в нравы и обычаи Кавказских войск» [47; 48]; «Местопребывание Засса, крепость Прочноокопская, повергало в ужас не только закубанцев, но и всех проезжающих. Она окружена была высоким валом с частоколом по гребню, на котором во многих местах торчали головы черкесов» [49].

Но в рассматриваемых нами публикациях не упоминается тот факт, что так же действовали горцы и на тот период это были обыденные военные методы. Вот, что пишет тот же Г.И. Филипсон: «Горец идет на войну с товарищем; они взаимно клянутся защищать друг друга, до последней минуты жизни, и тогда, ежели один из них будет убит, другой доставит тело непременно, или хотя голову убитого к его родне, как доказательство, что он точно погиб; в противном случае оставшийся в живых обязан взять на себя пропитание семейства убитого товарища» [50]. По мнению А. Мирзоева: «До начала XVIII века у кабардинцев бытовал и другой, связанный с поединками, обычай, а именно – отрубания головы. Согласно фольклорным данным, головы отрубали не всем, этого удостоивались знатные рыцари после смерти, наступившей в результате поединка...»

У абхазов мотивация этого обычая была следующая: если голову убитого врага принести с собой и закопать так, чтобы никто не знал места захоронения, то душа убитого, по их представлениям, не могла мстить убийце. Обычай отрубания головы бытовал в свое время у многих народов и носил в основном ритуальный характер» [51].

В качестве способа внедрения исторических мифов в данный блок входят манипуляции с хронологией. В данном случае можно говорить об изменении хронологических рамок Кавказской вой-

ны: «историки ошибочно датируют Кавказскую войну 1817–1864 годами. На самом деле война Российской империи на территории Кавказа (Черкесии) началась в 1763 году, со строительства Моздокской крепости и аннексии земель Малой Кабарды» [52], «начиная с 1768 г., когда началась первая русско-турецкая война второй половины XVIII века и вплоть до 1829 года, когда был заключен Адрианопольский договор по итогам русско-турецкой войны 1828–1829 гг., территория Черкесии подверглась целому ряду разорительных нашествий со стороны Российской империи» [53].

Данный вопрос как минимум является дискуссионным, кроме того, в период правления императора Павла I в 1797–1801 гг. в кавказской политике преобладали невоенные методы «взаимодействия с народами Кавказа и ограниченного применения силы. По отношению к Кубанской Линии это выразилось в том, что российские власти, соблюдая условия Ясского мирного договора 1791 г., многократно запрещали российским войскам переход Кубани, даже в ущерб собственной безопасности на фоне набегов закубанцев явно промыслового характера. Ситуация изменилась после заключения российско-османского союзного договора 1798 г. – Павел I разрешил проведение «репрессиалов» (в переводе на русский язык – «возмездий», военных реквизиций скота и имущества в отместку за набеги). Переход к более жестким методам охраны границы в начале правления императора Александра I был связан с внешнеполитической ситуацией, с присоединением Грузии к России и с последующим назреванием войн с Персией, Турцией и Францией» [54].

К отдельному методу можно отнести манипуляции со статистикой, в частности, гиперболизация статистических данных. Данные о численности адыгов, «уничтоженных русскими», как в российских, так и зарубежных публикациях колеблется. Например, в турецких источниках цифры разнятся от 200 тысяч до 2 миллионов [55, с. 75]. В академических исследованиях рамки численности адыгов в Причерноморье «к началу XIX века составляют 600–700 тысяч человек, из которых во второй половине XIX века около 500 тысяч (вместе с другими народами Северного Кавказа) были переселены в Османскую империю. В целом это коррелируется с численностью адыгов, оставшихся в Кубанской области (более 60 тысяч человек), т.е. примерно десятая часть (утверждения о двадцатой части оставшихся – фантазии современной окологисторической публицистики). В ходе ожидания на берегу, морского пути и уже в Османской империи были значительные, но не подсчитанные потери среди мухаджиров» [56].

К широко распространенному методу внедрения, распространения и закрепления исторических мифов относится психологическое давление, используемое, в том числе, для виктимизации адыгов. Как один из способов используется эмоциональное окрашивание текста, присущее практически всем рассматриваемым текстам: «Если говорить прямо, геноцид черкесов конца XIX века был самой масштабной человеческой трагедией того времени, которая навсегда изменила ход нашей истории и наше будущее. Никто не знает, как бы сегодня развивался черкесский народ, если бы не было той войны, если бы сотни тысяч черкесов не были убиты и изгнаны из своего Отечества» [57]; «вековое военное противостояние является одной из наиболее трагичных страниц в истории не только кавказских, но и русского с украинским народами, ибо количество общих жертв от людоедской кампании царизма может исчисляться миллионами [58].

Характерным является использование авторитета авторов текстов в области их прямой компетенции для обоснования высказываний в иной области. Например, кандидат филологических наук, специалист по топонимике исторической Черкесии Р. Темирова считает, что генералы, руководящие русскими войсками во время Русско-Кавказской войны, придерживались только одной позиции – выживание и истребление народа, живущего на черноморском побережье – черкесов [59].

Рассматриваемым публикациям присущи и ссылки на зарубежных авторов как безоговорочно авторитетные. Например, в статье «Геноцид черкесов» [60] в качестве авторитетного экспертного мнения приводятся высказывания из работы «американского независимого исследователя-эксперта Стефана Д. Шенфильда», который на вопрос «был ли геноцид в Черкесии?» отвечает: «изучая факты в изложении различных авторов, затрудняешься уйти от утвердительного ответа» [61]. Примечательно, что сам Шенфильд в своей работе «The circassians – a forgotten genocide?» в основном ссылается на книгу Рамазана Трахо «Черкесы», который с 1951 по 1954 гг. работал в мюнхенском журнале «Кавказ», выходящем на русском, английском и турецком языках и использовался как один из рупоров холодной войны. Его исследования, по мнению О.В. Матвеева, страдают выраженными идеологическими мотивами, Кавказская война именуется «русско-черкесской войной», активно декларируются жестокость русских по отношению к кавказцам и гуманность горского плена, одновременно изображая, каким гуманным был горский плен. Кроме того, в работе Р. Трахо цитируется «Декларация независимости Черкесии», которая, по мнению автора, дышит «достоинством борцов за независимость», но в реальности являлась плодом трудов английских дипломатов в Стамбуле и использовалась как средство давления на Россию и Турцию [62, с. 34–35]. Соответственно, мы можем говорить и об использовании перекрестных ссылок.

Заключение. Обобщая изложенный выше материал, можно сказать, что внедрение исторических мифов, связанных с «черкесским вопросом», осуществляется по схеме, стандартной для мифологизации сознания. Сначала формируются определенные образы и представления, которые преобразуются в сознании личности в стереотипы и символы, определяющие мотивацию его поведения. «Стереотипы мышления представляют собой упрощенные образы и представления о том или ином положительном или отрицательном явлении, событии, человеке и т.д. Они формируются в результате неоднократного эмоционального и смыслового акцентирования сознания человека на тех или иных аспектах события, многократного восприятия человеком этого события или информации о нем» [63]. Оценки событий, в том числе связанные с определенными историческими событиями, соответствующие стереотипу, как правило, воспринимаются без доказательств, считаются единственно правильными, а любые другие автоматически подвергаются сомнению или отторжению.

Исторические мифы, в том числе и мифологизированные вопросы истории адыгов, являются, как правило, мифами скрытыми, воспринимаемыми обществом как объективное отражение реальности. Их также можно отнести к мифам флукуативным [64], возникающим и усиливающимся под влиянием конкретных ситуаций. Это региональные мифы, «носящие ярко выраженный политический характер, направленные на поддержку борьбы за раздел сфер влияния в регионе или даже на захват власти» [65]. Будучи третичными историческими мифами, они фактически выполняют задачи информационно-психологического воздействия, побуждая аудиторию «к определенной социальной реакции» [66] путем формирования необходимых для этой реакции представлений о прошлом.

Применительно к рассматриваемой теме мы можем говорить, что влияние третичных исторических мифов вполне может стать эффективной составляющей применения технологий информационных войн, направленных на формирование детерминационных составляющих, обеспечивающих развитие этнополитической конфликтности в фокусной среде, что вполне применимо в современных технологиях информационных войн, ориентированных на «изменение поведения» [67].

В частности, по мнению М.В. Саввы, этнополитические претензии этнических элит адыгов, проявляющиеся в конструировании историко-политического мифа о Единой Черкессии, сформировались «на основе высокой относительной депривации представителей адыгских этносов: неудовлетворенность этнических элит своим положением требовала компенсации в форме великого прошлого (черкесской государственности) и врага, ответственного за гибель этого великого прошлого (России)» [68].

В качестве одного из эффектов внедрения исторических мифов, обладающих высоким этноконфликтным потенциалом, является виктимизация адыгской этнической общности, направленной на формирование у ее представителей комплекса жертвы, предполагающего требования о возмещении ущерба и дающее возможность этнической элите на этой основе лоббировать свои интересы.

В этот же ряд можно поставить и конструирование на основании внедрения мифологизированных версий истории противоречивости этнического статуса – то есть ситуации, в которой объективно высокий политический статус адыгов воспринимается как субъективно недостаточный.

Ввиду достаточно высокого уровня эффективности рассмотренных форм, методов и способов внедрения, распространения и закрепления искаженных версий прочтения прошлого, конструирующих корпус исторических мифов, обобщаемых в «черкесском вопросе», разработка эффективных мер противодействия этим влияниям выходит с уровня региональной проблематики на уровень обеспечения национальной безопасности. Ситуация усугубляется и активностью внешних авторов, заинтересованных в дестабилизации ситуации на Северо-Западном Кавказе. В частности, значительное количество публикаций на англоязычных интернет-порталах «носит изначально конфликтный, обличительный и часто ультимативный характер, направленный априори против России» [69, с. 110].

Это требует постоянного мониторинга и целенаправленной работы по выявлению конкретных примеров применения технологических аспектов работы с представлениями о прошлом и вынесения их в публичное информационное пространство, что должно не только ослабить, но в перспективе может и нивелировать негативные эффекты таких воздействий.

Литература

1. *Скибицкая И.М.* Завершение Кавказской Войны (1860–1864 гг.): военно-политические и социальные аспекты // Автореф. дис. канд. ист. наук. Краснодар, 2011.
2. *Матвеев О.В.* Политика России на Кавказе XVIII–XIX вв. в интерпретации авторов кавказского зарубежья: рациональные идеи и национальные фальсификации истории // Парадигмы и оценки кавказской политики России в прошлом и настоящем: коллективная монография. Краснодар, 2013.

3. *Кринко Е.Ф.* События и герои Кавказской войны в учебной литературе // Кавказская война: уроки истории и современность (Материалы Всероссийской научно-практической конференции, состоявшейся 19–22 мая 2004 г.). Майкоп, 2006.
4. *Шеуджен А.Х., Галкин Г.А., Тхакушинов А.К., Алешин Н.Е., Кушу А.А., Шеуджен Б.Е.* Земля адыгов (Адыгэ мэячыгу) / Под ред. А.Х. Шеуджена. Майкоп, 2004.
5. *Кринко Е.Ф.* События и герои Кавказской войны в учебной литературе // Кавказская война: уроки истории и современность (Материалы Всероссийской научно-практической конференции, состоявшейся 19–22 мая 2004 г.). Майкоп, 2006.
6. *Чирг А.Ю., Емтыль Р.Х.* История Адыгеи. 8 класс. Майкоп, 2002.
7. *Чирг А.Ю., Емтыль Р.Х.* История Адыгеи. 8 класс. Майкоп, 2002.
8. *Хлынина Т.М.* Мифотворчество или увлекательное путешествие в прошлое? URL: <http://his.1september.ru/2003/45/21.htm#4> (дата обращения: 15.05.2014).
9. *Рувинский В.* Этническое огораживание в советских и постсоветских школьных учебниках // Вестник Томского государственного педагогического университета (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2007. Вып. 1 (64).
10. *Шмулевич А.* Великая Черкессия: провокация и мечта. URL: <http://www.apn.ru/publications/print28417.htm> (дата обращения: 01.05.2014).
11. *Савва М.В.* Современная этнополитика исторических мифов (на примере Кавказской войны). URL: <http://mvsvava.ru/news/novaya-nauchnaya-publikaciya.html> (дата обращения: 23.12.2013).
12. *Тишков В.А.* Итоги Кавказской войны и переселения горцев Кавказа. URL: <http://nazaccent.ru/column/26/> (дата обращения: 25.11.2013).
13. *Бахревский Е.* Современные концепции «геноцида» народов Кавказа. URL: <http://www.gumilev-center.ru/sovremennye-koncepcii-genocida-narodov-kavkaza/> (дата обращения: 20.05.2014).
14. *Тишков В.А.* Итоги Кавказской войны и переселения горцев Кавказа. URL: <http://nazaccent.ru/column/26/> (дата обращения: 25.11.2013).
15. *Авраменко А.М., Матвеев О.В., Матющенко П.П., Ратушняк В.Н.* Об оценке Кавказской войны с научных позиций историзма // Кавказская война: уроки истории и современность. Краснодар, 1995.
16. *Мирзов Дж.Д.* Самоназвание – адыге, иноназвание – черкес. URL: <http://www.djeguako.ru/content/view/373/> (дата обращения: 30.05.2014).
17. Обращение черкесских организаций Адыгеи, КЧР и Краснодарского края к Президенту РФ и Федеральному Собранию РФ. URL: <http://www.aheku.net/news/society/3542> (дата обращения: 19.05.2014).
18. *Шмулевич А.* Кровь Красной Поляны. Жизнь коротка после Гагр. URL: <http://www.apn.ru/publications/article20052.htm> (дата обращения: 29.04.2014).
19. *Баранов А.В.* Этническая идентичность в Адыгее: политические аспекты конструирования в начале XXI в. (по материалам социологических исследований) // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 2014. № 1.
20. *Шмулевич А.* Кровь Красной Поляны. Жизнь коротка после Гагр. URL: <http://www.apn.ru/publications/article20052.htm> (дата обращения: 29.04.2014).
21. *Хакуашева М.А.* Русско-Кавказская война и ее последствия. URL: http://www.zpravakbr.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=208:2013-08-06-10-24-30&catid=5:analinic&Itemid=7 (дата обращения: 16.05.2014).
22. Черкесы (адыги). Кто они такие? URL: <http://circas.ru/index.php?newsid=1545> (дата обращения: 14.05.2014).
23. *Кагадзежв Ж.В.* Вопросы древнейшей истории адыгов. URL: <http://circas.ru/index.php?newsid=1544> (дата обращения: 18.05.2014).
24. *Орлова И.Б.* Этнизация исторического знания в постсоветских государствах // Социологические исследования. 2009. № 10.
25. *Виноградов В.Б.* Средняя Кубань: земляки и соседи (формирование традиционного населения. Книга историко-культурных регионоведческих очерков. Армавир. 1995. URL: http://budetinteresno.narod.ru/kraeved/narod_vin_adigi.htm (дата обращения: 20.05.2014).
26. Знай свою историю. Геноцид адыгов. Так кто здесь «дикари» и «варвары»?! URL: <http://www.kavkazcenter.com/russ/content/2013/12/16/102291.shtml> (дата обращения: 12.05.2014).
27. Знай свою историю. Геноцид адыгов. Так кто здесь «дикари» и «варвары»?! URL: <http://www.kavkazcenter.com/russ/content/2013/12/16/102291.shtml> (дата обращения: 12.05.2014).

28. *Шмулевич А.* «У всех адыгов в сердце скрипит эта боль». URL: <http://www.apn.ru/publications/article20327.htm> (дата обращения: 29.04.2014).
29. *Хотко С.* Фрагменты книги «Черкесия в картах». URL: <http://intercircass.org/?p=1671> (дата обращения: 23.05.2014).
30. *Гъэдыуаджэ З.* – признать черкесский геноцид, деколонизировать оккупированные черкесские территории! URL: <http://ratmistr.livejournal.com/1645964.html> (дата обращения: 25.05.2014).
31. *Скибицкая И.М.* Завершение Кавказской Войны (1860–1864 гг.): военно-политические и социальные аспекты // Автореф. дис. канд. ист. наук. Краснодар, 2011.
32. *Берже Ад.П.* Кавказская старина. Пятигорск, 2011.
33. *Берже Ад.П.* Кавказская старина. Пятигорск, 2011.
34. *Чирг А.Ю.* Еще раз о геноциде черкесов со стороны Российской империи во время Кавказской войны XIX в. URL: <http://adygi.ru/index.php?newsid=1149> (дата обращения: 08.06.2014).
35. *Чирг А.Ю., Емтыль Р.Х.* История Адыгеи. 8 класс. Майкоп, 2002.
36. *Темирова Р.* «Цифра выселившихся черкесов во время Русско-Кавказской войны достигает более полумиллиона». URL: <http://kavpolit.com/cifra-vyselivshixsya-cherkesov-vo-vremya-russko-kavkazskoj-vojnju-dostigaet-bolee-polumilliona/> (дата обращения: 09.05.2014).
37. *Кабардинский М.* 21 мая в адыгской истории. URL: <http://www.islamdin.com/history/1742-21.html> (дата обращения: 18.05.2014).
38. Обращение черкесских организаций Адыгеи, КЧР и Краснодарского края к Президенту РФ и Федеральному Собранию РФ. URL: <http://www.aheku.net/news/society/3542> (дата обращения: 19.05.2014).
39. *Инал-Ипа Арда.* Сочинская Олимпиада и черкесский вопрос. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/237489/#knot> (дата обращения: 05.06.2014).
40. *Скибицкая И.М.* Завершение Кавказской Войны (1860–1864 гг.): военно-политические и социальные аспекты // Автореф. дис. канд. ист. наук. Краснодар, 2011.
41. *Берже Ад.П.* Кавказская старина. Пятигорск, 2011.
42. *Скибицкая И.М.* Завершение Кавказской Войны (1860–1864 гг.): военно-политические и социальные аспекты // Автореф. дис. канд. ист. наук. Краснодар, 2011.
43. *Матвеев В.* «Черкесский вопрос»: современные интерпретации и реалии эпохи (II). Феномен мухаджирства. URL: <http://www.kavkazoved.info/news/2012/08/22/cherkesskij-vopros-interpretacii-i-realii-epohi-ii.html> (дата обращения: 05.06.2014).
44. *Матвеев О.В.* Встреча Александра II с горцами 18 сентября 1861 г. в оценках современников и историков // Парадигмы и оценки кавказской политики России в прошлом и настоящем: коллективная монография. Краснодар, 2013.
45. *Матвеев О.В.* Встреча Александра II с горцами 18 сентября 1861 г. в оценках современников и историков // Парадигмы и оценки кавказской политики России в прошлом и настоящем: коллективная монография. Краснодар, 2013.
46. *Матвеев В.* «Черкесский вопрос»: современные интерпретации и реалии эпохи (II). Феномен мухаджирства. URL: <http://www.kavkazoved.info/news/2012/08/22/cherkesskij-vopros-interpretacii-i-realii-epohi-ii.html> (дата обращения: 05.06.2014).
47. *Сохт А.* Черкесская история и современность (полная версия). URL: <http://maxpark.com/community/66/content/496655> (дата обращения: 10.05.2014).
48. *Хлынина Т.М.* Мифотворчество или увлекательное путешествие в прошлое? URL: <http://his.1september.ru/2003/45/21.htm#4> (дата обращения: 15.05.2014).
49. *Нефляшева Н.* Северный Кавказ сквозь столетия. Топонимика Кавказа: политика, опрокинутая в географию. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/blogs/1927/posts/8705> (дата обращения: 26.05.2014).
50. *Филипсон Г.И.* Воспоминания Григория Ивановича Филипсона. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/Filipson_G_I/text1.htm (дата обращения: 15.05.2014).
51. *Мирзоев А.* «"Право войны" и некоторые аспекты традиционной военной культуры адыгов (черкесов)» // Традиция разрешения конфликтов на Кавказе и методы институтов гражданского общества. Кубанский государственный университет. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru> (дата обращения: 22.05.2014).
52. *Шухов З.* «Скорбь не имеет срока давности, как его не имеют и преступления против человечности». URL: <http://kavpolit.com/skorb-ne-imeet-sroka-davnosti-kak-ego-ne-imeyut-i-prestupleniya-protiv-chelovechnosti/> (дата обращения: 17.05.2014).
53. *Сохт А.* Черкесская история и современность (полная версия). URL: <http://maxpark.com/community/66/content/496655> (дата обращения: 10.05.2014).

54. *Скиба К.В.* Кубанская линия в военно-политических событиях 1801–1835 гг. // Автореф. дис. канд. ист. наук. Армавир, 2004.
55. *Цибенко (Иванова) В.В.* Унификация в ответ на ассимиляцию: конструирование общности северокавказской диаспорой Турции // Научная мысль Кавказа. 2014. № 3.
56. *Патракова В., Черноус В.* Кавказская война и «черкесский вопрос» в исторической памяти и мифах историографии (I). URL: <http://www.kavkazoved.info/news/2013/06/03/kavkazskaja-vojna-i-cherkesskij-vopros-v-istoricheskoy-pamjati-i-mifah-istoriografii-i.html> (дата обращения: 02.06.2014).
57. *Шухов З.* «Скорбь не имеет срока давности, как его не имеют и преступления против человечности». URL: <http://kavpolit.com/skorb-ne-imeet-sroka-davnosti-kak-ego-ne-imeyut-i-prestupleniya-protiv-chelovechnosti/> (дата обращения: 17.05.2014).
58. *Урусов Т.* Предпосылки возникновения черкесского вопроса. URL: <http://www.echo.msk.ru/blog/civilt/1139224-echo/> (дата обращения: 25.05.2014).
59. *Темирова Р.* «Цифра выселившихся черкесов во время Русско-Кавказской войны достигает более полумиллиона». URL: <http://kavpolit.com/cifra-vyselivshixsya-cherkesov-vo-vremya-russko-kavkazskoj-vojny-dostigaet-bolee-polumilliona/> (дата обращения: 09.05.2014).
60. *Чуха М.* Геноцид черкесов – История проблемы, хроники событий и научное заключение. URL: <http://justicefornorthcaucasus.info/?p=1251657605> (дата обращения: 12.05.2014).
61. *Stephen D.* The Circassians – a Forgotten Genocide? URL: <http://krasnaya-polyana-genocide1864.com/?s=Stephen+D.+SHENFIELD+THE+CIRCASSIANS++A+FORGOTTEN+GENOCIDE%3F> (дата обращения: 06.06.2014).
62. *Матвеев О.В.* Политика России на Кавказе XVIII–XIX вв. в интерпретации авторов кавказского зарубежья: рациональные идеи и национальные фальсификации истории // Парадигмы и оценки кавказской политики России в прошлом и настоящем: коллективная монография. Краснодар, 2013.
63. *Ферсович В.В.* Использование мифов в интересах информационно-психологического воздействия // Информационный сборник по зарубежным странам и армиям ГУ ГШ ВС РФ. 1998. № 2. URL: <http://www.rc-analitik.ru/file/%7B78846371-1042-4d7e-80d9-874fc4be3b0c%7D> (дата обращения: 02.05.2014).
64. *Ферсович В.В.* Использование мифов в интересах информационно-психологического воздействия // Информационный сборник по зарубежным странам и армиям ГУ ГШ ВС РФ. 1998. № 2. URL: <http://www.rc-analitik.ru/file/%7B78846371-1042-4d7e-80d9-874fc4be3b0c%7D> (дата обращения: 02.05.2014).
65. *Ферсович В.В.* Использование мифов в интересах информационно-психологического воздействия // Информационный сборник по зарубежным странам и армиям ГУ ГШ ВС РФ. 1998. № 2. URL: <http://www.rc-analitik.ru/file/%7B78846371-1042-4d7e-80d9-874fc4be3b0c%7D> (дата обращения: 02.05.2014).
66. *Ферсович В.В.* Использование мифов в интересах информационно-психологического воздействия // Информационный сборник по зарубежным странам и армиям ГУ ГШ ВС РФ. 1998. № 2. URL: <http://www.rc-analitik.ru/file/%7B78846371-1042-4d7e-80d9-874fc4be3b0c%7D> (дата обращения: 02.05.2014).
67. *Почепцов Г.Г.* Новые подходы в теории информационных войн: британская модель. URL: <http://psyfactor.org/psyops/infowar26.htm> (дата обращения: 27.05.2014).
68. *Савва М.В.* Современная этнополитика исторических мифов (на примере Кавказской войны). URL: <http://mvsavva.ru/news/novaya-nauchnaya-publikaciya.html> (дата обращения: 23.12.2013).
69. *Цибенко С.Н.* Актуализация проблемных вопросов черкесов России и диаспоры в англоязычных источниках // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 2014. № 1.

*Севастопольский экономико-гуманитарный институт Таверического
национального университета имени В.И. Вернадского, г. Севастополь
Северо-Кавказский научный центр высшей школы
Южного федерального университета, г. Ростов н/Д*

15 ноября 2014 г.